

РЕЦЕНЗИИ

**«ОСТАЕТСЯ БЕЖАТЬ — ТАК КАК ПРЕЖДЕ — /
ОСТАЕТСЯ УПАСТЬ НА БЕГУ»**

Евгений Степанов. Империи. М., 2017. 248 с.

Некогда весьма распространенный жанр рецензии сейчас не в моде, и рецензенты-оценщики пишут скорее эссе, нежели развернутые отклики на книги, хотя именно рецензия раскрывает существо текста, его место среди других, похожих и непохожих произведений. Евгению Степанову в этом плане повезло, но здесь есть еще ряд плюсов, о которых и пойдет речь далее.

Попробуем взглянуть глазами читателя на сборник в целом. Под одними стихами стоит дата, под другими ничего не стоит. Где-то, кроме даты, проставлено и место написания: *2013 В поезде «Москва—Берлин»* (мы будем сохранять авторскую манеру письма). Итак, на одной странице *2015* (год), а рядом расположился *1988*. Места написания меняются: *1997 Париж, Булонский лес*, потом через несколько стихов *2014 Несебр*, а перед этими стихами *2013* (год), *1995*-й. Случайность это или? Известно, что так компоновал свои стихи Иосиф Бродский, подчиняя их внутренней логике. Такой же смысловой подход, кажется, и к пунктуации: стихи с четкими правилами правописания соседствуют со стихами, в которых никакой пунктуации совсем не предвидится. Например: на одной и той же странице 129 представлено стихотворение «Сны» (точки, тире, запятая — все по правилам!), а чуть ниже идет стихотворение «Клен» вообще без знаков препинания. Наконец, обращает на себя внимание графический облик стихов. Есть традиционная разбивка на строфы, таких стихов много, но есть по внешнему виду и оригинальные стихи: «Прикосновение», когда каждое слово образует самостоятельную строку, «Такой человек» (на развороте), «Че» и некоторые другие. Это все, что называется, с внешней стороны как попытка создать экспрессию целого, гармонизировать стихи, чтобы они воспринимались единым текстом, и это работает. А как обстоят дела с внутренней стороны? Здесь мы наблюдаем тоже мужскую, гендерную диалектику, о ней поговорим несколько подробнее.

Мир берется в единстве, но в единстве остром, режущем. Чтобы это почувствовать, достаточно прочитать оглавление. «Гадюки и птицы», «Фальшивый трубач», «Предчувствие войны», «Шакал», «Я хочу кричать», «войне нужна война», «мальчик — мальчишка — подросток прыщавый»... (Мы, повторяем, сохраняем авторскую трактовку!) Но внутри многих стихов есть не что иное, как приятие этой современной жизни, позитивный, хотя по-мужски сдержанный настрой. *Но Карлсон прав: ты не реви! / Ведь есть империя любви / И женщина любимая, / никем не заменимая; ...И в небесах поет хвостенко / и жизнь права и жизнь нетленка / и воскресает брат в огне / и это все во мне во мне; И невозможно изменить / Ни дня, ни собственного взгляда. / И невозможно извинить / Себя — а впрочем, и не надо; Потому что опыт Феба / мне милей, чем ропот плача. Потому что много неба, / потому что жизнь — удача. / Даже если неудача; У меня есть диван и подушка / И краюшка, и квасу бадья. / И звонит, слава богу, Настюшка, / Драгоценная дочка моя* (стихотворение называется «Эти дни»).

Такая диалектика минусов и плюса весьма характерна для Евгения Степанова. Возьмем целое стихотворение, короткое, но тем сильнее в нем диалектика: *Высший уровень успеха — / Неуспех (успех — позор). / Это ухо, это эхо / Выстрелов судьбы — в упор. «Только писатель может заставить реальность повернуться значимой стороной» —*

слова Дины Рубиной из ее книги «Под знаком карнавала». Приведем цитату из другого романа: «Все очевидное — всегда слишком очевидно, чтобы сильно умные сразу его заметили» (Татьяна Соломатина. Кафедра А £ Г). Обе мысли прекрасно коррелируют с творчеством Евгения Степанова. Поэт находит свои слова для, казалось бы, очевидного, но это очевидное граничит с открытием. *Быть русским — делать то, что можем: / Пахать, творить, молиться, петь. / И быть счастливым в храме божьем. / А вне — терпеть; Нет большого ума в укоризне. / Я ругаться давно перестал. / Эта пьянь что-то знает о жизни, / Что не знает иной аксакал; ...Брат мой не умирай / сын мой не умирай / смерть это рай и ад / жизнь это ад и рай.* Знакомые мысли? Будто бы, конечно, знакомые, только выразить их мы не смогли, не сумели. Или стихотворение «Осенние дачные листья». О чем оно? *Желтые или бордовые / падают листья кленовые / лето — как Гитлер — капут / падают люди и новые / люди встают* (2013, Берлин). Смелое сравнение осенних листьев и умирающих людей на земле. Трагизм, повернутый в сторону легкого юмора? Понимай так: живи, радуйся, потому что только настоящее тебе подвластно.

Начитанность, насмотренность, встроенность автора в жизнь, в наше общее бытие поражает. В науке такие следы прочитанного (или увиденного, услышанного) называются интертекстами. Здесь и бунинский Бернар, и Иван Ургант, и Сапфир, и Мандельштам, и Карлсон, и Босх, и Шнитке, и Харон, и Чюрленис... А некоторые имена встречаются чаще других: Бог, Наташа (любимая женщина)... Как будто автор постоянно видит их своим внутренним зрением. Поверим? Мандельштама сейчас многие цитируют, но у Евгения Степанова он «свой» («Памяти Мандельштама»).

Диалектика Евгения Степанова проявляется еще и в том, что в стихотворениях кратчайшее расстояние между привычным, бытовым и высоким, но высоким не пафосного толка, а трагического. И чтобы подтвердить это, достаточно заглянуть в самый конец стихов: *Главное второстепенно Второстепенное — главное; А пешеход идет — куда он / Придет? Куда-нибудь придет; Я живу сотни лет, но моя черепная коробка / не вмещает всего, что уставшие видят глаза; и — надо бы бежать отсюда / но от себя не убежишь.* Правильна будет и обратная перспектива, когда общие рассуждения финишируют в такой простой, но ведь ранее не прозвучавший образ. *...падает листик осенний / и не боится упасть; Как хорошо и радостно стареть, / не став схарченным сумрачным недугом, / И грань — почти прозрачную — стереть / Между врагом и другом. // Как хорошо, что чувственная связь / меж нами кончена и спит Эрато. / Как хорошо идти, не торопясь, / И не бояться опоздать куда-то.*

Стихотворение «Женщина в соседней комнате», о чем оно? Речь здесь ни о чем, в общем-то. Кто-то за стеной смотрит телевизор, а поэт пишет стихи. Этот текст с посвящением: *Тебе.* Мы разве не замечали? Да сколько раз замечали, только не писали об этом, не выстраивали стихи. А вот еще повседневное, бытовое стихотворение под названием «Очень смешная кинокомедия „Ширли-мырли“»: *Без тебя — даже лето не лето, Без тебя — доконает хандра, / Без тебя — ледяная планета, / Без тебя «Ширли-мырли» — мура.* А перед этим другая интонация, другая концовка: *Все сейчас — точно встарь — под Луною, / Я мечты не имею иной — / Чтобы ты засыпала со мною, / Чтобы ты просыпалась со мной.*

Евгений Степанов многогранен. У поэта немало «мелких» находок: *И танк идет — как танк — ва-банк...; точно цепкие детские цыпки / донимают и страхи и боль.* По давней своей привычке я ищу в текстах колоративы — необычные цветообозначения. И оно одно, оказывается, есть: *и в обычных свинцово-пунцовых глазах / заневестится уния света* (2008, ст. Партизанская). Но поэт интересен и своим масштабом, когда не без насмешки пишет: *Тебя не убили / Сегодня — успех. / А времечко — киллер. / И киллер для всех. // Проснуться, умыться, / Пахать, точно вол, / Покуда убийца / Не выта-*

щил ствол. «Станция Партизанская»: стихотворение о даче? Конечно, о даче. Говорится, что тут «*надо клубнике / Обрезать усы*», и дядя Юра «*подмогнет*», но в этом бытовом, таком узнаваемом автор видит нечто высокое: *Здесь был точно небыль. / Здесь — смерть побороть. / здесь н о в о е небо / И н о в а я плоть.*

Поэт не одинок, нет. Лиле Газизовой из Казани посвящено стихотворение «Город». Но в этом и парадокс: посвящено женщине, писательнице, а в стихе блеск и величие древней Казани, и история Казанского ханства, и мысли о своей родословной: *вот город я иду по кромке / судьбы — шагаю налегке / а рядышком идут потомки / сю-юмбике.* Так мы подходим к самому главному в творческой палитре автора, к его энциклопедизму. Современный читатель привередлив, не терпит повторов, однообразия, монотона, и Евгений Степанов весь сборник «Империи» выстраивает так, что ни мысли, ни чувства, ни ощущения поэта не дублируются. Каждое стихотворение по-своему, по-новому оригинально, но при этом деликатно и сдержанно. Снова вчитаемся в итоговые, последние аккорды: *А нация почти убита, / А виноваты сами — мы; Горечь и боль утраты — / Сколько ни голоса. / Видимо, нет пощады / Русскому на Руси; И жизнь интересна, и смерть интересна / и небо с землей навечно срослись; Здесь, если не случится чудо — непобедим мальчиш-плохиш / и надо бы бежать отсюда / но от себя не убежишь.*

Попробуем выписать отдельные слова из первых 15 стихов: *телек, янки, империя, винишко, Париж-Тулуза, хотелки, па, Оптина, фарисей, зоил, Соснора, голь, гюмри, удав, планида, чинуши, Господь, джинсы, брассанс, сквот, фейсбучный, шапито, остолоп, интернет, пиар, маятник...* Да, у поэта есть сугубо современная лексика — и есть устаревшая, есть экзотизмы — и есть просторечные слова, есть... и есть... есть... и есть... Все время меняется словарь (не только графика стиха, не только пунктуация, о чем шла речь выше!), почему мысли поэта — это всегда открытие для читающего. *И тут — смотрите — сад. / И там — смотрите — маки. / И всюду — вечный ад / И рай. И свет во мраке.* Заметим, стихотворение называется «Всюду».

Сборник стихов означает еще и их самостоятельность, отдельность, так можно сказать. И в этом сборнике есть несколько стихотворений, требующих отдельного рассмотрения: «Времена», «Пешеход», «Банальность», «Мама», «Ответ», «Возвращение», «Жизнь-ящерица», «Автопортрет», «Больница», «Время-улитка»... Рассмотрим одно из списка. *Что мне Путин и Обама / дрязги разных королей / у меня болеет мама / мама мама не болей // что мне делать? Я не знаю / я скажу слова любви / умоляю заклинаю / мама мамочка живи.* Банально, привычно, знакомо по ощущениям и — ново, нестандартно, почему и запечатлевается в сознании. Когда болят близкие, нам нет дела ни до политики, ни до чего вообще. Только б выжили, справились бы со своей бедой! А остальные стихи? Разве не интересно, почему жизнь — это ящерица, а время — улитка? И что за «ответ» — какой вопрос он подразумевает? А признание в любви к советской больнице? И что нового будет сказано про банальность? *Я стал как все как дядя Вова / как тетя Рива дядя Пров / душа молчит она здорова / и знать не знает лишних слов.*

Поэзия любит короткие стихи, нет, не хокку и не танка (японские модели), но все же для русского человека двух, максимум трех строф обычно достаточно, чтобы сказать главное, то есть даже не сказать, а дать читателям почувствовать то, что сильно и остро чувствует автор. Поэзию называют приставкой к чувству. Абсолютное большинство стихов сборника отвечает этой идее. Есть, заметим, и предельно краткие стихотворения: «Поэт», «Лицо», «Сны», «Осенние дачные листья», «Следы на песке»... *следы на песке / какой вечный и страшный символ / особенно для поэтов.* И здесь мы соприкасаемся с загадочностью поэтического текста как обязательной (или почти обя-

зательной) ее составляющей. Эту загадочность иногда называют непонятностью, но это именно загадка, обусловленная недоговоренностью стиха. «Уронили мишку на пол» — здесь все понятно, а вот следы на песке, страшный их символ, открывающийся поэту, прежде всего поэту, — что это? И читатель думает по-своему, открывает нечто для себя каждый, кто только столкнется с этим стихом.

В свете малого «объема» стихов скажем и о самом издании. В книге много воздуха, и это хорошо. Каждый стих располагается на отдельной странице. Исключения, конечно же, есть, но в основном эта пропорция соблюдается: один стих — одна страница. Помнится, В. В. Розанова, выдающегося философа, упрекали за публикацию «Опавших листьев»: зачем такой разброс, к чему каждое философское и/или житейское наблюдение (что, в общем-то, одно и то же у философа!) помещается на отдельной странице? Трата бумаги? Но философия того стояла! Так и стихи. Негоже, чтобы одно чувство наезжало на другое. Конечно, читатель и сам разберется, что к чему, но можно ему помочь...

Есть в сборнике стихи о памяти: «Памяти Тютчева», «Памяти Стругацких», «Памяти Эмиля Лотяну», «Памяти Степана Щипачева», «Памяти Даниила Андреева», «Памяти Мандельштама» (о чем мы говорили уже), «Памяти Рубцова». Удивительные стихи! Каждое как отклик на творчество того, кому посвящается. *...эти вечные страхи / точно красный террор / каждый день как на плахе / ждешь и ждешь приговор; это поют степи / это текут реки / главное это воля / наша такая доля; родной язык не дебет-кредит / родной язык не отобрать / и птичий горбоносый лепет / как трепетная благодать.* Андреев, Лотяну, Мандельштам угадываются сразу. А «Памяти Степана Щипачева» написано по-щипачевски, не спутаешь с другими стихами, как не спутаешь и рубцовское. Здесь стусок творчества, отражаемый другим поэтом в знак восхищения и, конечно же, памяти.

Необычно название сборника — «Империи». Завесу названия приоткрывает второе стихотворение в книге, где говорится про империю греха, а противостоит ей империя любви. *Они ведут суровый бой, / Одна империя с другой. / Бой этот не кончается. / И маятник качается.* И почти вся книга написана про этот бой «империй». Правда, в избранное помещены и другие стихи: из «Рай-центра», из «Мемуаров», «Сада-монастыря», «Цели». Но абсолютное большинство отвечает идее противоборства, ежедневной, ежечасной войне двух сил, двух «империй».

Что мы предприняли? Разложили все по полочкам, но стихи остаются стихами, и в качестве заключения к рецензии представим одно из них полностью: *мальчик / на улицах Москвы / юноша / в российском черноземном райцентре / мужчина / на улицах Нью-Йорка и Парижа / дедушка / на улицах Берлина / неужели / это все один человек / один обычный / маленький / человек / живший / в необычное / переломное / время («Портрет». 2013, Берлин).*

Вера ХАРЧЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК, ИЛИ НЕ ТОТ САМЫЙ МЮНХГАУЗЕН

**Беррис фон Мюнхгаузен. Последний рыцарь. Избранные стихотворения.
Перевод с немецкого Е. В. Лукина. СПб., 2019.**

Принято считать, что в 1930—1940-е годы в Германии не было великих поэтов. Ну, не укладывается образ стихотворца в жесткие рамки сформировавшегося представле-